

Тот мужчина, протрезвев наполовину, с руганью поднялся и убежал.

Кун Цюэ замер с куском маринованной редьки во рту: жевать — неловко, выплюнуть — жалко. Он до смерти боялся, что какой-нибудь звук нарушит воцарившуюся тишину. Все присутствующие затаили дыхание, и лишь Цзян Юньнянь первым прервал молчание:

— Посмотрите, сильно ли ей досталось?

— Хорошо.

Се Наньчжоу сбросил с лица ледяную маску и повернулся к женщине, забившейся в угол. Выглядела она странно: смотрела на всех и глупо улыбалась. Передний зуб выбит, на лице — бесчисленное множество ссадин разного размера. Казалось, она даже не чувствует боли от кровоточащих ран, просто склонила голову и продолжала улыбаться.

— Она дурочка, несчастная душа. У меня в комнате есть лекарства, помогите ей обработать раны.

Староста, заложив руки за спину, медленно подошел к дверям. Глядя на скорчившуюся в углу женщину, он лишь покачал головой.

— Староста, кем она приходится тому мужчине? Почему он так жестоко с ней обошелся? Бил насмерть!

Кун Цюэ, не в силах смотреть на её рваную одежду — у неё даже обуви не было, — пробормотал:

— Бедняжка.

— Эх, это наш деревенский мясник. А это его... его... жена, Глупая сестрица.

Все были потрясены: кто же так обращается со своей женой? Однако Цзян Юньнянь заметил, как на мгновение на лице старосты промелькнуло замешательство, будто ему было трудно подобрать слова. Заминка возникла именно на слове жена. Неужели с этим статусом что-то не так?

При виде безумной женщины Чжао Мин с явным отвращением отступил на шаг, даже не подумав помочь. Кун Цюэ же оттолкнул его подальше, взял аптечку и опустился на корточки перед Глупой сестрицей. Он совершенно не брезговал, Тай-гэ помогал ему рядом. Сяо Ю попытался развеселить женщину разговорами, а дядя Чжан, наблюдая за этим, лишь вздыхал о её горькой судьбе. Только Чжао Мин холодно стоял в стороне.

Цзян Юньнянь и Се Наньчжоу всё это видели. Больше всего их мнение изменилось о Кун Цюэ: раньше казалось, что он труслив и лишен вкуса, но, оказывается, у него доброе сердце — он не боится ни грязи, ни вони. Тай-гэ тоже удивил: казалось бы, суровый мужик, а движения такие нежные. Про дядю Чжана и говорить нечего — старик доброй души, в глазах одна жалость.

— Сяо Ю обычно язвителен и озорничает, но в нужный момент на него можно положиться.

Цзян Юньнянь взглянул на Сяо Ю, который, выпятив пухлый зад, старательно дул на рану женщины, и впервые подумал, что тот совсем еще ребенок.

— Судьба Сяо Ю тяжела. Он родился с редким врожденным заболеванием. Не может бегать и прыгать, как другие дети, прикован к инвалидному креслу. Он очень дорожит временем, проведенным здесь, даже несмотря на все опасности.

При упоминании Сяо Ю дыхание Се Наньчжоу невольно стало тяжелее. Его слова легли камнем на сердце Цзян Юньняня. Он и не думал, что этот непоседливый мальчишка наслаждается жизнью, которой сам Цзян Юньнянь был лишен. По сравнению с ним, насколько же он сам был удачлив.

— Как вы с братом оказались здесь вместе?

Цзян Юньнянь не понимал, что могло привести к тому, что оба брата одновременно впали в глубокое забытие.

— Ты не так понял. Мы с Сяо Ю познакомились уже здесь, в Мире Обид. Когда я впервые его увидел, он даже ходить толком не умел.

Се Наньчжоу погрузился в воспоминания, в его глазах вспыхнул мягкий свет. Не родные братья? Глядя на то, как Сяо Ю полагается на Се Наньчжоу, Цзян Юньнянь был уверен, что они одной крови. Но если это не так, он мог только догадываться, как Се Наньчжоу пробивался сквозь все преграды, защищая ребенка. Иначе как бы мальчик смог зайти так далеко?

— Ху... хуан... ха... ха-ха...

Из уст Глупой сестрицы донеслись невнятные звуки.

— Фан-фан? — Кун Цюэ прислушался, пытаясь разобрать слова.

— Да что ты! Ты откуда вообще? Не различаешь звуки х и ф? Она же ясно говорит хуан-хуан! Ты в начальную школу-то ходил?

Сяо Ю и Кун Цюэ, стоило им оказаться рядом, тут же начали препираться.

— Это я-то не ходил? Когда я в школу пошел, ты еще даже зиготой не был!

Цзян Юньнянь беспомощно покачал головой. Оставив спорящих, он и Се Наньчжоу увидели старосту, который в одиночестве стоял у алтаря, погруженный в свои мысли. Его лицо выражало такую печаль, что они молча подошли к нему.

— Староста, почему здесь почитают книги?

В мутных глазах старосты блеснули слезы. Он повернулся к серьезным Цзян Юньняню и Се Наньчжоу, но, казалось, видел кого-то другого.

— Я... почитаю не книги.

Больше он не проронил ни слова, опираясь на посох, медленно побрел прочь. Его спина выглядела такой одинокой: хотя вокруг сияло утреннее солнце, от него веяло холодом глубоких сумерек.

— Он сказал, что почитает не книги, — пробормотал Цзян Юньнянь, не понимая смысла сказанного.

Все решили выйти наружу, но, опасаясь неприятностей, условились держаться вместе.

— Эй! Тот человек! — Чжао Мин поправил очки в золотой оправе и вдруг удивленно окликнул остальных.

Все выбежали и, проследив за его взглядом, увидели поразительную картину. Тот самый молодой человек, который вчера вместе со старостой привел их в деревню, стоял прямо у озера.

— Разве... разве к озеру нельзя подходить? А те волосы... — Кун Цюэ вспомнил вчерашний кошмар, его голос невольно задрожал.

— Тише, — Се Наньчжоу не сводил глаз со спины юноши. Тот не выглядел испуганным или встревоженным. Напротив, он словно с кем-то беседовал, что-то тихо бормоча. Спустя некоторое время он развернулся и ушел. За всё это время ничего не случилось, волосы не появились.

— Брат... бра... братик... — Глупая сестрица протиснулась к Кун Цюэ и, издавая невнятные звуки, указала на юношу, идущего по тропинке.

Тот словно услышал её, обернулся, и на мгновение его улыбка застыла, когда он увидел группу людей. Затем он сухо кивнул в ответ на их пытливые взгляды и поспешил скрыться.

— Бра... братик! Уа-уа-уа! — увидев, что юноша уходит, Глупая сестрица вдруг закричала и повалилась на землю, заливаясь слезами.

— Братик? — Цзян Юньнянь лишь теперь понял, что она кричала. — Этот парень — её брат?

Словно открыв какую-то страшную тайну, все недоуменно уставились на изборожденное морщинами лицо Глупой сестрицы.

— Не может быть. Она по возрасту годится ему в матери, какая она сестра? — Кун Цюэ, как всегда, не следил за языком. Его слова были грубыми, но справедливыми. Глупой сестрице на вид было под сорок, а парню — чуть больше двадцати, как и им с Цзян Юньнянем.

— К тому же, когда он обернулся, на его лице была улыбка. Значит, он относится к ней хорошо. Но как только он увидел нас, выражение лица изменилось, и он ушел. От чего он прячется?

Се Наньчжоу согласился с анализом Цзян Юньняня и добавил:

— Верно. Глупая сестрица рыдает, потому что он ушел, не исполнив её желания. Значит, раньше, когда она его звала, он приходил. Кем же они приходятся друг другу?

Получив цель, все с энтузиазмом разделились, чтобы выяснить правду. Кун Цюэ, Тай-гэ и привязавшийся к ним Чжао Мин пошли в одну сторону, остальные четверо — в другую. Однако, собрав все сведения, они получили еще более шокирующую информацию.

Парня зовут А Сюй, а Глупая сестрица — его... тетя?

Да, все собранные слухи сводились к одному выводу: Глупая сестрица — тетя А Сюя, а тот мясник — его старший дядя. У мясника было три брата, отец А Сюя был вторым и умер, когда мальчик был совсем маленьким. Был еще и младший дядя, который тоже жил в деревне. Но самое странное, что некоторые называли Глупую сестрицу тетей по линии матери, а другие — женой дяди. Эти два определения заставили всех спорить весь вечер.

— Да у нас в краях тетя — это одно и то же слово! Чего тут изучать? — настаивал Кун Цюэ.

— У нас в деревне всех зовут тетушками, — вторил ему Тай-гэ, скрестив руки на груди.

Се Наньчжоу постучал пальцами по столу:

— В моих краях так называют жен братьев отца, но есть разница между женами старшего и младшего братьев.

Цзян Юньнянь в дискуссии не участвовал — честно говоря, он не разбирался в родственных связях. Он вырос в приюте и не знал такой среды, где принято называть родственников по рангу.

— Что думаешь? — Се Наньчжоу заметил, что Цзян Юньнянь приуныл, и наклонился к нему, чтобы узнать мнение.

Все посмотрели на Цзян Юньняня — в вопросах логики они доверяли ему больше всего. Хотя он не участвовал в споре, суть разногласий уловил верно.

— Если бы эти названия означали одно и то же, проблемы бы не было. Но если следовать обычаям, о которых сказал Се Наньчжоу... то эта Глупая сестрица одновременно приходится женой и старшему, и младшему брату.

Цзян Юньнянь на мгновение замолчал. Его догадка была настолько чудовищной, что он едва мог произнести её вслух. Он не хотел верить, что это возможно, но в такой отрезанной от мира деревне всё могло быть.

В глазах Цзян Юньняня промелькнуло сочувствие, и он безжалостно озвучил свою догадку:

— Получается, старший и младший дяди А Сюя... делят одну жену на двоих!

<http://bllate.org/book/18799/1827135>